

© Перевод постановления был предоставлен «Правовой инициативой по России» (www.srji.org). Перевод уже был опубликован в 2007 году на сайте этой организации (<http://www.srji.org/resources/search/62/>). Разрешение на публикацию перевода было дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Stichting Russian Justice Initiative (www.srji.org/en/). This translation was published in 2007 on the website of SRJI. Permission to re-publish this translation has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

Дело «МЕДОВ ПРОТИВ РОССИИ»

Жалоба № 1573/02

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

СТРАСБУРГ

8 ноября 2007 г.

ВСТУПИЛО В СИЛУ

8 февраля 2008 года

В деле «Медов против России»

Европейский Суд по Правам Человека (Первый Отдел) на заседании Палаты, проведенном в составе:

Г-н К.Л. Розакис, *Председатель Секции*,

Г-жа Ф. Танкенс

Г-н А. Ковлер

Г-жа Н. Ваджич

Г-н К. Хаджиев

Г-н Д. Шпильман

Г-н С.Е. Джебенс, Судьи

и г-н С. Нильсена, *секретарь Секции*,

проведя закрытое заседание 13 сентября 2007 года,

вынесли в тот же день следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№1573/02) против Российской Федерации, поданной в Суд 20 декабря 2001 г. в соответствии со статьёй 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») господином Сулейманом Акбердовичем Медовым («заявитель»).

2. Заявитель, который получил частичную компенсацию расходов, связанных с ведением дела, представлен адвокатом М.Ферштманом, практикующим в Нидерландах. Правительство Государства-Ответчика представлено в Суде г-ном П. Лаптевым, являющимся Уполномоченным Российской Федерации в Европейском Суде по Правам Человека, позднее г-жой В.Милинчук.

3. Заявитель жаловался, в частности, что с января по май 2000 г. в период содержания под стражей он подвергся жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Он также жаловался на отсутствие эффективных средств правовой защиты, ссылаясь на Статью 13 Конвенции.

4. В решении о приемлемости от 7 сентября 2006 Суд постановил признать жалобу приемлемой.

5. Так как после консультаций со сторонами Суд принял решение не проводить слушаний по существу делу (Правило 59 § 3 *мелким шрифтом*), стороны дали письменные ответы за замечания друг друга.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявитель родился в 1958 году, проживает в г. Грозный, Чеченская Республика, он временно проживал в Республике Ингушетия.

7. Факты по делу изложены сторонами. Они кратко представлены в Части А. Основные документы, предъявленные сторонами, кратко представлены в Части В и краткое изложение других документов, относящихся к делу, дано в Части С.

А Доводы сторон

1. Арест заявителя

8. Заявитель женат и имеет троих детей. Он проживал со своей семьей в Старопромысловском районе Грозного, в селении которое местные жители также называют Карпинкой.

9. 23 января 2000 г. заявитель и его семья-жена, сестры и еще несколько человек - находились в подвале соседнего дома по улице Красноводской, так как их дом, находившийся по адресу улица Володарская, 21, был полностью сожжен. Приблизительно в 2 часа дня в подвал для проверки паспортного режима пришла группа военнослужащих МВД. Заявитель и еще семеро мужчин, находившиеся в том же подвале и в расположенных поблизости зданиях, были окружены солдатами и доставлены на участки для гаражей, расположенные в той же местности. Жена заявителя и его сестры пришли туда и безуспешно пытались добиться его освобождения.

10. Позднее в тот же день заявитель и другие задержанные были доставлены в расположение танковой дивизии у места называемого Соленая Балка, расположенное в 2-3 км. от Карпинки. Заявителя и других задержанных заставили сидеть на земле возле танков. Солдаты угрожали убить их в отместку за генерала Михаила Малофеева, убитого в Грозном ранее, за несколько дней до рассматриваемых событий. С заявителем и другими кратко переговорил генерал Трошев, командующий российскими силами в Чечне. Он проезжал через расположение дивизии, чтобы забрать тело генерала. Он сказал задержанным, что после проверки их личности, и при условии того, что их документы в порядке, задержанных отпустят домой.

11. Однако позднее в тот же день заявитель и другие задержанные были вместе помещены в анти-танковую яму в открытом поле, где они провели ночь. Солдаты били и пинали заявителя и других задержанных, и в то время пока они находились в яме, кидали в них камни и поливали водой. Температура воздуха той ночью была около -3 градусов Цельсия.

Приблизительно в полночь заявителю и другим задержанным разрешили погреться у костра и дали немного еды.

12. На следующий день, 24 января 2000 года, заявитель и другие задержанные были доставлены на военную базу в Ханкалу, штаб-квартиру ОГВ в Чечне. Им приказали сесть в маленький грузовик, используемый для перевозки заключенных (автозак). Во время погрузки в автомобиль один из солдат ударил заявителя прикладом. После прибытия в Ханкалу их перевели в другой грузовик, в котором заявитель провел около суток.

13. В соответствии с утверждениями правительства, заявителя задержали 23 января 2000 г. по подозрению в участии в нападении на федеральных военнослужащих, происшедшем 4 октября 1999 г. в деревне Червленая Шелковского района Чечни. В результате атаки 15 военнослужащих были убиты и 28 ранены. По факту атаки проводилось расследование уголовного дела 14/03/0547-99/49064.

14. Правительство утверждает, что заявления заявителя о дурном обращении в период с 23 по 25 января 2000 не могут быть проверены, так как все архивы были уничтожены, а также потому, что невозможно установить и допросить военнослужащих, принимавших участие в рассматриваемой операции.

2. Содержание заявителя в Чернокозово

15. 25 января 2000 г. заявителя доставили в СИЗО Чернокозово, где его содержали в камерах №8 и №17. Заявитель утверждает, что в камере №8, предназначенной для 5 человек, его содержали практически вместе с 20 другими заключенными. В камере №17 его содержали вместе с приблизительно 40 другими заключенными.

16. Во время нахождения в Чернокозово заявитель подвергался регулярным и особо жестоким формам дурного обращения со стороны охранников. Заявитель опознал их как представителей ОМОНа из Ростова-на-Дону. Охранники, подвергавшие его дурному обращению, зачастую были пьяны.

17. В частности, заявитель утверждает, что после прибытия его и других задержанных заставили бежать по коридору через шеренгу солдат, которые били их с большой силой при помощи резиновых дубинок, оружейных прикладов и деревянных молотков. Заявителя также подвергли жестоким побоям, когда он находился голым в душевой. Позднее, во время заключения в Чернокозово, заявителя избивали прикладом по голове с такой силой, что у него появилась глубокая рана на левой стороне головы. Шрам был виден и через три месяца, когда в Ингушетии заявитель дал интервью представителю неправительственной организации Хьюман Райтс Вотч (далее HRW). В результате побоев у заявителя были сломаны нос и ребра, а также появились синяки. Охранники также «играли» в унижительные игры, такие как катание верхом на заявителе, которого заставляли стоять на четвереньках.

18. Официальный допрос заявителя был проведен четыре раза. Во время допросов заявителя избивали. Допрашивавшие заявителя лица пытались заставить его подписать признание в участии в деятельности незаконных вооруженных формирований, преступление, наказуемое по ст. 208 УК РФ. Заявитель отрицал совершение каких-либо преступлений и отказывался подписать документ. Ему показали электрический стул и пригрозили, что применят к нему электрошок.

19. Кроме того, несколько раз заявитель допрашивался солдатами в «неофициальном» порядке. Во время этого его избивали и пытались получить от него признание.

20. Заявитель впоследствии описал условия задержания и дурного обращения в Чернокозово представителю HRW, и его показания под именем «Асланбека Дигаева» вошли с доклад данной организации «Добро пожаловать в ад: произвольные задержания, пытки и вымогательства в Чечне», подготовленный в октябре 2000 года.

21. Правительство в своих комментариях подтвердило, что между 25 января и 18 февраля 2000 г. заявитель содержался под стражей в СИЗО 4/2 в Чернокозово. Его содержание там производилось по постановлению следователя Управления Генеральной Прокуратуры РФ по Северному Кавказу от 28 января 2000 года, и было санкционировано действовавшим прокурором Чеченской Республики (прокурором Чечни). Правительство утверждает, что в тот же самый день заявителю было официально предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ- участие в незаконном вооруженном формировании. Правительство утверждает, что 28 января 2000 г. заявителю было официально предъявлено обвинение, ему было зачитано постановление об аресте, и его ознакомили с его процессуальными правами, в том числе с правом на обжалование. В тот же день заявителя допросили по предъявленному ему обвинению. Заявитель предпочел не отвечать на вопросы, в соответствии со ст. 51 Конституции РФ и отказался подписать процессуальные документы или дать показания. Никаких ходатайств или обжалований в связи с предъявленным ему обвинением или постановлением об аресте заявитель не подавал.

22. Правительство утверждает, что перед прибытием в СИЗО заявитель прошел медицинский осмотр, в результате которого были установлено наличие синяков на его левом плече. Правительство предоставило копию регистрационных записей СИЗО о вновь прибывших заключенных, в которых не указаны другие повреждения или проблемы со здоровьем заявителя. На данной странице имеется 8 записей, некоторые из которых описывают подробности ранений, ожогов и заболеваний других заключенных. Во время нахождения в СИЗО 4/2 заявитель не обращался за медицинской помощью, отдельной медицинской карты на него не заводилось.

23. Правительство представило документ, подготовленный в октябре 2004 г. СИЗО 20/2, расположенном в Чернокозово. В нем говорится о том, что СИЗО начало работать в августе 2000 г. [подразумевая, что оно заменило СИЗО 4/2], и поэтому у них не имеется информации об условиях содержания заявителя и о том, применялась ли к нему физическая сила.

24. Другое письмо, подготовленное СИЗО 20/2 указывает, что заявитель содержался в СИЗО 4/2 в период с 25 января 2000 по 29 апреля 2000 года, и что в отношении него отдельного дела не заводилось. Вместо этого была заведена “карточка неустановленного образца”, копия которой была предоставлена правительству (см. Часть В выше).

3. Последующее содержание заявителя под стражей в Моздоке, Пятигорске и Ставрополе

25. Заявитель утверждает, что 18 февраля 2000 г. вместе с 12 мужчинами и 3 женщинами его доставили в Моздок, Северная Осетия. Заключенные провели ночь в железнодорожном вагоне. Заявителя вывели наружу из

вагона в душевую, заставили раздеться, после чего охранники избили его, нанося ему удары руками и ногами.

26. 20 февраля 2000 г. заявителя доставили в г. Пятигорск в Ставропольском крае, в СИЗО №2. Он утверждает, что по прибытии его поверхностно осмотрел врач, спросивший, имелись ли у него какие-либо жалобы. Заявитель, который был запуган присутствием охранников, не стал излагать никаких жалоб. Он утверждает, что, несмотря на это, наличие на нем синяков и незажившей раны на голове должны были быть для врача очевидными.

27. Правительство утверждает, что заявления Заявителя об имевшем место быть жестоким обращении во время транспортировки из Чернокозово в Пятигорск невозможно проверить в связи с отсутствием необходимых документов.

28. Заявитель утверждает, что по время нахождения в СИЗО №2 его жестоко избивали охранники. Его избивали по пути в душевую, где его и других заключенных заставляли бегать голыми. Его также избивали, когда он был в туалете.

29. 22 февраля 2000 г. заявителя доставили в СИЗО №1 в Ставрополе. По прибытии, заявитель был вновь быстро осмотрен врачом в присутствии охранников. Там он подвергся такому же обращению, как и в Чернокозово и в Пятигорске, т.е. его заставляли бегать через коридор наносивших ему удары солдат, после чего его заставляли принимать ледяную ванную.

30. За время содержания под стражей в Ставрополе, заявитель был допрошен только один раз сотрудниками, которые не представились. На них была униформа Министерства Юстиции. Допрашивавшие его лица избивали его и пытались заставить признаться в совершении преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ. Заявитель отказался подписать признание.

31. Правительство подтверждает, что в период с 22 февраля по 3 мая 2000 г. заявитель содержался в СИЗО 26/1 г. Ставрополя. По прибытии он прошел медицинский осмотр, в результате которого у него не было выявлено никаких ран или проблем со здоровьем. Кроме того, за время нахождения в СИЗО 26/1 он не обращался с жалобами на проблемы со здоровьем или за медицинской помощью, не подавал жалоб на дурное обращение или условия содержания под стражей и не подвергался дисциплинарным взысканиям.

32. В обоснование своей позиции правительство предоставило несколько писем, которые показывают, что по прибытии заявитель прошел медицинский осмотр, в ходе которого ранений или заболеваний у него отмечено не было. В тот же день он прошел флюорографию грудной клетки и сдал анализы крови, которые не выявили никаких проблем со здоровьем. Во время своего заключения он не жаловался на свое здоровье или ранения. Правительство предоставило копию регистра поступивших заключенных, в котором не было отражено каких-либо повреждений или проблем со здоровьем заявителя. Копия его медицинской карты не упоминает о проблемах со здоровьем или его жалобах.

33. Во время заключения в СИЗО №1 заявитель содержался в камере №79. Правительство предоставило подробное описание камеры и детали содержания в ней заявителя вместе с соответствующими записями. В них отражено, что камера предназначалась для 10 человек, однако в ней не содержалось более 9 человек. Заявителю и другим заключенным были предоставлены постельные принадлежности, еда и предметы личной гигиены в соответствии с действовавшими стандартами. Раз в неделю их

водили в душевую. СИЗО указало, что за все время его нахождения там дисциплинарных мер или физической силы к заявителю не применялось. Во время его пребывания в СИЗО заявителя не навещали родственники, адвокаты или следователи.

4. Освобождение заявителя и расследование местных властей

34. Заявитель был освобожден из-под стражи 3 мая 2000 г. в Ставрополе. После освобождения ему выдали документ МВД о том, что он находился под стражей с 23 января по 3 мая 2000 года, и что уголовное дело против него было прекращено в соответствии с постановлением Государственной Думы №4785-11 от 13 декабря 1999 «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористической операции на Северном Кавказе». Мера пресечения в отношении заявителя была отменена. Заявитель утверждает, что паспорт ему не возвратили.

35. На следующий день заявитель воссоединился со своей семьей в Ингушетии. В соответствии с показаниями его жены, невестки и интервьюера HRW, после освобождения на заявителе имелись следы жестокого физического обращения, а также психологические травмы, и выздоровление от полученных во время заключения травм заняло у него шесть месяцев.

36. Жена заявителя утверждает, что заявитель сильно похудел, что на теле и голове у него были многочисленные синяки и шрамы, что у него были трудности с дыханием, и что в течение нескольких месяцев он мог с трудом выполнять самые простые физические упражнения. Она и невестка заявителя, обладающая общими познаниями об оказании первой медицинской помощи, и которая ухаживала за заявителем после его освобождения, утверждают, что заявитель также был очень нервозен, у него была депрессия, проблемы со сном, непереносимость шума. Они обе показали, что ухудшение здоровья заявителя произошло из-за дурного с ним обращения во время заключения, и что до этого заявитель был здоровым человеком.

37. 7 декабря 2000 г. заявитель обратился с жалобой в прокуратуру г. Грозного. Он изложил обстоятельства своего ареста и содержания под стражей, указал, что его избивали и подвергали дурному обращению во время заключения в Карпинке, Ханкале, Чернокозово, Моздоке, Пятигорске и Ставрополе. В результате избиений у него был сломан нос, два ребра и появился шрам на голове. Заявитель указал, что никогда не принимал участия в деятельности незаконных вооруженных формирований, в чем его заставляли признаться при помощи давления, и, что, несмотря на это, он был освобожден только по амнистии. Заявитель просил провести расследование по его жалобам, привлечь виновных к ответственности и компенсировать ему понесенный ущерб.

38. 21 декабря 2000 г. HRW направила от имени заявителя письмо в Генеральную Прокуратуру. В нем кратко излагались обстоятельства ареста заявителя и его содержания под стражей, а также просьба возбудить уголовное дело по обоснованным утверждениям о дурном обращении и пытках. Копия данного письма была направлена г-ну Каламанову, Специальному Представителю Президента России по Правам Человека в Чечне, который переправил его в прокуратуру Ставропольского края.

39. 21 февраля 2001 г. Прокуратуры г.Пятигорск сообщила заявителю о своем решении не возбуждать уголовное дело по факту его жалобы на

жестокое обращение и о том, что это решение можно обжаловать в городском суде.

40. 12 марта 2001 г. в Ингушетии заявитель был неофициально осмотрен врачом, имя которого заявитель не предоставил. Этот врач отметил шрам, приблизительно в 10 см. длиной, на левой стороне головы заявителя, следы зажитых переломов трех ребер с левой стороны, апатию и страхи. Он пришел к выводу о том, что заявитель страдал от последствий травмы головы, переломов ребер, астено-невротического синдрома и фобий. Заявитель позднее сообщил, что он не мог зарегистрировать осмотр врача в Ингушетии, потому что не имел паспорта и в итоге нашел доктора из Чечни, который проживал в Ингушетии и согласился дать консультацию в неофициальном порядке.

41. 26 марта 2001 HRW вновь обратилась с письмом к Генеральному Прокурору, напомнив ему о направленном ранее письме, на которое не было получено ответа.

42. 20 апреля 2001 г. прокуратура Чечни ответила HRW о том, что уголовное дело по жалобам заявителя возбуждаться не будет, так как проверкой была установлена их необоснованность. В письме говорилось, что 20 февраля 2000 г. в СИЗО №2 в Пятигорске заявителя осмотрел врач, и что в это время никаких повреждений не было отмечено и жалоб не поступало. Аналогичным образом, не было сделано особых замечаний после осмотра врачом в СИЗО №1 в Ставрополе 22 февраля 2000 года. Во время нахождения в СИЗО №1 заявитель не обращался за медицинской помощью, не подвергался дисциплинарным взысканиям или физическому принуждению.

43. 27 апреля 2001 г. прокуратура Ставропольского края ответила на письмо, переправленное им г-ном Каламановым. В письмо содержалась ссылка на отсутствие записей о жалобах или повреждениях в медицинской карте, заведенной по прибытии заявителя в СИЗО, а также на отсутствие жалоб на состояние здоровья во время содержания под стражей. Аналогичным образом, оно также указывало на отсутствие записей о дисциплинарных мерах или мер физического принуждения в отношении заявителя. Допрос содержащихся с заявителем в камере лиц не представлялся возможным в связи с тем, что регистры о содержащихся в камерах отсутствовали. В письме также говорилось о том, что в личном деле паспорта заявителя нет. В письме содержался вывод о том, что права заявителя сотрудниками СИЗО Пятигорска и Ставрополя не нарушались. 15 мая эта информация была направлена в московский офис организации HRW.

44. 21 мая 2001 г. заявитель получил повестку о явке для допроса в качестве свидетеля к следователю Заводского ВОВД г. Грозного. Никакой информации о существовании дела в повестке указано не было. В ней упоминалось, что заявитель обязан явиться и иметь при себе паспорт.

45. 22 мая 2001 г. заявитель был осмотрен врачом организации «Врачи без Границ» в Назрани, Ингушетия. Врач отметил шрам на левой стороне головы, зажитые переломы ребер и носа.

46. 23 мая 2001 г. HRW от имени заявителя вновь обратилась с письмом к Генеральному Прокурору, оспаривая результаты прокурорской проверки, проведенной по предыдущим запросам. HRW указала на то, что решение прокуратуры Ставропольского края об отказе в возбуждении уголовного дела было необоснованным и не ответило на вопрос об обоснованности утверждений заявителя. В частности, просили провести расследование

пытках и дурного обращения заявителя, правовых оснований для его ареста и гарантий задержания, а также конфискации паспорта заявителя.

47. 25 мая 2001 г. HRW обратилась с письмом к заместителю Министра Юстиции, пытаясь прояснить ситуацию с записями о содержавшихся в камерах заключенных. В частности, просили ответить, какие записи производились, и каков срок их хранения. На это письмо не было получено ответа.

48. 14 июня 2001 г. Генеральная Прокуратура направила письмо HRW от 23 мая 2001 г. в прокуратуру Чечни с просьбой предоставить ответ.

49. В ответ на их повестки 2 июля 2001 г. заявитель обратился с письмом в прокуратуру Грозного и в Заводской ВОВД Грозного. Он пояснил, что проживает в Ингушетии, и что его паспорт был конфискован после ареста в январе 2000 года. По указанной причине он просил провести его допрос в Ингушетии и указал свой временный адрес. Данные письма были лично доставлены невесткой заявителя. Ни прокуратура Грозного, ни Заводской ВОВД Грозного не ответили на эти письма и не предприняли последующих действий, о которых стало бы известно заявителю.

50. 10 июля 2001 HRW вновь обратилась с письмом к Генеральному Прокурору с просьбой провести расследование по жалобам заявителя. В письме также содержалась просьба запросить материалы из Ставрополя и из прокуратуры Чечни, проверить постановление прокуратуры Ставропольского края об отказе в возбуждении уголовного дела и провести надлежащее расследование. На это письмо не было получено ответа.

51. 16 июля 2001 г. HRW обратилась в Министерство Внутренних Дел с просьбой предоставить информацию о том, какое подразделение МВД проводило проверку паспортного режима в селении Карпинка в Грозном 23 января 2000 года. Ответа на это письмо получено не было.

52. 20 мая 2003 г. из прокуратуры Ставропольского края отправили в адрес юристов SRJI, правозащитной неправительственной организации в Москве, копии ордеров от 21 февраля 2001 г. прокуратуры г.Пятигорск и от 20 марта 2001 г. Ставропольской районной прокуратуры.

53. Заявитель в поддержку своих утверждений о дурном обращении и отсутствии эффективного расследования, ссылается на ряд докладов о ситуации в Чечне (см. Часть С выше).

54. Правительство подтверждает, что 3 мая 2000 г. уголовное дело против заявителя было прекращено в связи с применением к нему акта амнистии от 13 декабря 1999 года, и что он был освобожден из-под стражи в тот же день.

55. Правительство утверждает, что медицинское заключение от марта 2001 года, полученное заявителем, не было составлено с соблюдением соответствующих правил для таких документов, и что заявитель не обратился в медицинское учреждение после своего освобождения для получения надлежащего заключения.

56. Что касается расследования утверждений о дурном обращении, правительство ссылается на информацию, полученную из Генеральной Прокуратуры. В соответствии с ней, после получения жалоб, поданных HRW от имени заявителя, 21 февраля 2000 г. прокуратура г. Пятигорска и 20 марта 2000 г. прокуратура г. Ставрополя отказали в возбуждении уголовного дела по жалобам заявителя в связи с отсутствием события преступления. Данные решения были приняты после проверки, проведенной в соответствии со ст. 109 действовавшего тогда УПК РФ. Заявитель был

незамедлительно извещен о решении, а также в мае 2003 года, после обращения от его имени в прокуратуру организации SRJI.

57. Правительство также сообщает Суду, что «в связи с переформированием Грозненской прокуратуры в 2003 г. не предоставляется возможным установить, когда это заявление было рассмотрено. Согласно информации, предоставленной прокуратурой Чеченской Республики, обращение было направлено для рассмотрения в феврале 2000 г. в прокуратуру по территориальности».

58. Что касается паспорта заявителя, правительство указывает, что после освобождения заявитель получил стандартную справку о содержании под стражей и освобождении. На основании данной справки, 31 июля 2002 г. суд Заводского района Грозного выдал ему паспорт. В материалах уголовного дела, возбужденного против заявителя, не имеется ссылок на изъятие его паспорта.

В. Документы представленные сторонами

59. По запросу Суда обе стороны предоставили документы, относящиеся к аресту заявителя и расследованию по его жалобам в связи с жестоким обращением.

1. Документы уголовного дела против заявителя

60. 9 октября 1999 г. военная прокуратура ОГВ (с) на Северном Кавказе возбудила уголовное дело по факту нападения неизвестными вооруженными лицами на село Червленая Чеченской Республики, в результате которого были убиты пятнадцать человек и ранены двадцать восемь человек. Дело было возбуждено по Статье 208 часть 2 Уголовного Кодекса (организация незаконного вооруженного формирования) и Статье 105 часть 2 (убийство при отягчающих обстоятельствах).

61. 23 января 2000 г. офицер СОБРа доложил начальнику ОГВ (с), что в этот день заявитель был арестован в г.Грозный по улице Володарского по подозрению в участии в незаконном вооруженном формировании.

62. 28 января 2000 г. решением прокурора ЧР заявитель был заключен под стражу по подозрению к причастности к незаконным вооруженным формированиям, обвиняясь по Статье 208 часть 2 Уголовного Кодекса.

63. 28 января 2008 г. в Чернокозово заявитель был обвинен в участии в незаконном вооруженном формировании и, как указано в копии документа, отказался признать обвинение или подписать документ. В этот же день он был допрошен по обвинению, но отказался давать показания или подписать расшифровку.

64. 3 мая 200 г. решением прокурора ЧР была санкционирована просьба об Амнистии от 13 декабря 1999 год в отношении заявителя как члена незаконного вооруженного формирования, который не совершал серьезных правонарушений. В этот же день решение было объявлено заявителю в Моздоке, Северная Осетия, и он подписал копию его.

2. Документы, относящиеся к задержанию заявителя в Чернокозово

65. Правительство предоставило копию «неформальной» регистрации, датированной 28 января 2000. Из нее следует, что заявитель был доставлен 25 января 2000 года, что он был арестован 25 января 2000 г. Наурским (районным) прокурором (цитата) и что 19 февраля 2000 г. он был переведен

в (центр предварительного заключения) СИ-2 в Пятигорске. Документ также показывает, что заявитель был освобожден 28 апреля 2000 г. согласно Закону об Амнистии от 13 декабря 1999 года.

66. Они также предоставили копии медицинского журнала вновь прибывших в центр содержания за период с 8 ноября 1999 г. по 12 февраля 2000 года. Запись, относящаяся к заявителю, указывает, что у него был синяк на правом плече и не обнаружено никаких других повреждений или проблем со здоровьем. В журнале содержатся восемь записей, некоторые из них с подробным описанием ран, ожогов и болезней других задержанных.

67. Кроме того, Правительство предоставило несколько документов относящихся к октябрю 2004 г. от центра предварительного заключения ИЗ 20/2 в Чернокозово, который был образован в августе 2000 г. (вероятно вместо центра предварительного содержания ИЗ 4/2) и что по этой причине нет информации об условиях содержания заявителя или о применении физической силы по отношению к нему.

68. Другое письмо, относящееся к центру предварительного содержания ИЗ 20/2, указывает, что заявитель находился в ИЗ 4/2 в период с 25 января 2000 г. по 29 апреля 2000 (так в оригинале) и что нет личного дела, открытого на него. Взамен этого на задержанного заведена «карточка неустановленного образца» (см. параграф 65 выше). Во время содержания в ИЗ 4/2 заявитель не обращался за медицинской помощью и нет никаких особых медицинских записей по отношению к нему.

3. Документы, относящиеся к содержанию заявителя в Пятигорске

69. 20 февраля 2000 г. в 9.30 вечера медицинский работник и два офицера ИЗ 21/2 центра содержания в Пятигорске заполнили медицинскую форму в отношении заявителя, в связи с его прибытием. Они записали, что нет никаких повреждения или травм, полученных им по время пребывания в центре предварительного содержания.

70. В феврале 2001 г. четыре офицера центра содержания и медицинский работник дали письменные показания. Они утверждают, что 20 февраля 2000 г. прибытие, прием и размещение в камеры задержанных, прибывших из Владикавказа (80 заключенных) было проведено в соответствии с международными правилами и что никаких происшествий не было. Никакие повреждения и проблемы со здоровьем в отношении заявителя обнаружены не были и не записаны. Медицинский работник показал, в частности, что он по закону обязан записывать любые повреждения вновь прибывших.

71. 21 февраля 2001 г. исполняющий обязанности прокурора г.Пятигорск Ставропольского края вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя о жестоком обращении. В постановлении была ссылка на письмо из HRW, в котором утверждалось, что заявитель находился в центре содержания ИЗ 21/2 в Пятигорске и что подвергался избиениям там. В постановлении утверждалось, что городская прокуратура в ходе проверки не нашла подтверждения данному факту. В нем в частности говорится:

«Опрошенный дежурный помощника начальника следственного изолятора М. Пояснил, что действительно 20 февраля 2000 г. в ИЗ прибыл плановый этап арестованных из г. Владикавказа [Северная Осетия]. В этом же этапе находилась группа заключенных из следственного изолятора пос. Чернокозово ЧР. Среди арестованных был Медов С.А.

Все заключенные после санобработки были размещены в транзитные камеры изолятора. Каких-либо правонарушений со стороны лиц, прибывших этим этапом, не было, а потому физическая сила, спец.средства к ним служащими ИЗ не применялись в соответствии с Федеральным Законом «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Фельдшер следственного изолятора В., освидетельствовавший 20 февраля 2000 г. лиц, прибывших из Владикавказа, пояснил, что в отношении каждого задержанного был составлен акт медицинского осмотра. Физическая сила, спец.средства служащими ИЗ 21/2 г.Пятигорск к ним не применялись.

К проверочному материалу приобщена ксерокопия акта медицинского освидетельствования Медова С.А. От 20 февраля 2000 года. Медицинское освидетельствование Медов С.А. Прошел 20 февраля 2000 г. в 21 час 30 минут. Телесных повреждений в ходе его освидетельствования обнаружено не было. Медов С.А. В следственном изоляторе города Пятигорска пробыл двое суток. 22 февраля 2000 г. Медов С.А. этапирован в следственный изолятор города Ставрополь. До настоящего времени жалобы, заявления Медова С.А. В адрес прокуратуры города Пятигорск на действия служащих следственного изолятора не поступали.

Таким образом, каких-либо доказательств, свидетельствующих об избиении Медова служащими следственного изолятора г. Пятигорск, добыто не было».

72. Информация о решении была отправлена в прокуратуру Чеченской Республики. 21 февраля 2001 г. прокуратура г.Пятигорск уведомила заявителя о решении и о том, что решение может быть обжаловано в городском суде.

4. Документы, относящиеся к содержанию заявителя в Ставрополе

73. 22 февраля 2000 г. заявитель был доставлен в СИЗО №1. В акте медицинского освидетельствования указывается, что он не имеет никаких телесных повреждений или жалоб, кровяное давление и температура в норме и что мед.осмотр находит его здоровым. Акт медицинского освидетельствования, включая анализ крови, показывает отсутствие кожных заболеваний, гепатита, СПИДа и сифилиса. В феврале 2001 г. руководство СИЗО №1 направило акт медицинского осмотра в городскую прокуратуру.

74. 18 апреля 2001 г. начальник мед.сан.части СИЗО №2 г.Ставрополь выдал подтверждение о том, что во время содержания заявитель не обращался за медицинской помощью.

75. В феврале 2001 г. исполняющий обязанности главы СИЗО №1 информировал прокуратуру г.Ставрополь, что заявитель содержался здесь в период с 22 февраля 2000 г. по 3 мая 2000 года. Как показала проверка, никаких жалоб и телесных повреждений у заявителя зафиксировано не было, заявитель был признан здоровым. Во время содержания заявитель не обращался за медицинской помощью, не заявлял о жестоком обращении и не подвергался наказанию или физическому давлению. В письме также говорится, что невозможно определить и опросить лиц, содержавшихся вместе с заявителем, так как архивные учеты по камерам не ведутся. Это также подтверждается офицерами, которые в указанное время контролировали камеру №79, где содержался заявитель.

76. В марте 2001 г. три офицера из следственного изолятора подтвердили на допросе в городской прокуратуре, что никаких жалоб и вопросов со стороны заявителя, который содержался в камере №79 в период с февраля по май 2000 года, не поступало.

77. 20 марта 2001 г. прокуратуры г. Ставрополь вынесла постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по жалобе заявителя относительно

жестокое обращение, в ответ на письмо организации HRW. В решении говорится:

«В СИЗО №1 УИН СК Медов С.А. содержался с 22 февраля по 3 мая 2000 года. 3 мая 2000 г. он был освобожден по постановлению ГУ генеральной прокуратуры РФ на Северном Кавказе на основании п.1 Постановления ГД ФС РФ от 13 декабря 1999 г. «Об объявлении амнистии в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния в ходе проведения антитеррористических операций на Северном Кавказе». При поступлении Медова в СИЗО №1 в его личном деле паспорта на его имя не было.

Во время содержания в СИЗО №1 он с жалобами на избиение его сотрудниками СИЗО не обращался, взысканиям не подвергался, физическая сила или специальные средства в отношении него не применялись. Согласно записям в медицинской карте при поступлении в СИЗО №1 у Медова С.А. Телесных повреждений, заболеваний выявлено не было. За время нахождения в СИЗО №1 Медов за медицинской помощью не обращался.

В СИЗО №1 Медов содержался в камере №79. Согласно объяснениям лиц, осуществлявших контроль над данной камерой, Медов за время его содержания внутреннего порядка не нарушал, с жалобами или заявлениями не обращался. В связи с тем, что архивные учеты по камерам не ведутся, опросить лиц, содержащихся в одной камере, не представляется возможным.

Таким образом, в ходе проведенной проверки факты применения физической силы к арестованному Медову со стороны сотрудников СИЗО №1 своего подтверждения не нашли, и в действиях сотрудников СИЗО №1 не усматриваются признаки какого-либо преступления».

78. Информация о решении была направлена «заинтересованным сторонам» и в Ставропольскую районную прокуратуру.

С. Доклады Совета Европы

79. СИЗО Чернокозово, где заявитель содержался под стражей, находилось в зоне внимания различных правозащитных организаций, включая Европейский Комитет по Предотвращению пыток (ЕКПП), в связи с обвинениями в дурном обращении с заключенными. 4 марта 2000 г. в конце визита ЕКПП в Северокавказский регион Российской Федерации Глава делегации ЕКПП г-н Хайек сделал заявление российским властям. В заявлении говорилось, в том числе о визите в Чернокозово:

Делегация удовлетворена тем, что в настоящее время, лица, содержащиеся под стражей в данном учреждении, не подвергаются физическому дурному обращению. Кроме того, несмотря на то, что условия содержания под стражей в СИЗО оставляют желать лучшего, делегация отметила, что в последнее время были предприняты усилия, и продолжают предприниматься, на улучшение этих условий.

Тем не менее, собранная делегацией информация дает основания полагать, что многие из заключенных в Чернокозово были подвергнуты в этом учреждении физическому дурному обращению в период с декабря 1999 г. до начала февраля 2000 года. В различных местах делегация провела отдельные интервью наедине со значительным числом заключенных, содержащихся в Чернокозово в указанный период времени. Была выявлена очевидная практика дурного обращения с заключенными со стороны сотрудников учреждения. Дурное обращение состояло в основном из пинков, ударов кулаками и дубинками в различные части тела (кроме лица). В соответствии с показаниями, дурное обращение причинялось в основном в центральном коридоре СИЗО, обычно, когда заключенные доставлялись в комнаты для допросов или когда они возвращались в камеры после них; очевидно, что заключенные также подвергались дурному обращению непосредственно в комнатах для допросов. В соответствии с показаниями, следователям было известно о дурном обращении, и некоторые из заключенных утверждали, что оно применялось по их наущению. В ряде случаев делегация собрала медицинские доказательства, подтверждающие утверждения о дурном обращении с заключенными.

Также необходимо отметить, что практически все заключенные, содержащиеся в учреждении в Чернокозово в период с января по февраль 2000 года, подчеркивали, что в начале февраля 2000 г. произошло явное улучшение ситуации, тогда, когда началась смена сотрудников. Избиения прекратились, и были ситуация улучшилась, в частности, в отношении еды. Более того, никаких утверждений о дурном обращении не было получено в ходе бесед с заключенными, прибывшими в учреждение после первой недели февраля 2000 года.

80. 10 июля 2001 г. ЕКПП, в соответствии со Статьей 10 п. 2 Европейской Конвенции о Предотвращении Пыток и Бесчеловечного или Унижающего Достоинства Обращения, сделал открытое заявление в отношении Чеченской Республики. Данный шаг был вызван фактом отсутствия сотрудничества российских властей с ЕКПП по двум аспектам: 1) проведение тщательной и независимой проверки событий в СИЗО Чернокозово в период с декабря 1999 г. по начало февраля 2000 года; 2) принятие действий, направленных на установление и уголовное расследование случаев дурного обращения с лицами, лишенными свободы в Чеченской Республике в ходе текущего конфликта. В частности, в заявлении говорилось:

...информация, собранная делегацией ЕКПП в ходе визитов в феврале-марте и апреле 2000 года, указывает на то, что значительное число лиц, лишенных свободы в Чеченской Республике с начала конфликта, подвергаются физическому дурному обращению со стороны представителей российских вооруженных сил или правоохранительных органов. В докладе об этих двух посещениях, ЕКПП рекомендовал, чтобы российские власти удвоили свои усилия по установлению всех случаев дурного обращения с лицами, лишенными свободы в Чеченской Республике в ходе конфликта и привлекали к уголовной ответственности виновных. Комитет сделал ряд замечаний проясняющих практическую сущность таких усилий. В целом, ЕКПП подчеркнул, что для российских властей является важным активный подход к данной проблеме.

Ответ российских властей на эти ключевые рекомендации был очень неудовлетворительным...

В письме, направленном российским властям 10 мая 2001 года, ЕКПП подчеркнул свою озабоченность в этом отношении, которая усилилась, принимая во внимание недавний визит Комитета в Чеченскую Республику в марте 2001 года. В ходе этого визита были полученные многочисленные обоснованные утверждения о жестоких формах дурного обращения со стороны федеральных сил, и ряде случаев такие заявления подтверждались медицинскими доказательствами. Делегация ЕКПП обнаружила ощутимый страх со стороны тех, кто подвергся дурному обращению, а также знавших о нем лиц, которые не желали обращаться с жалобами к властям. Причиной были страх карательных мер на местном уровне и общее мнение о том, что в любом случае правосудия не добиться. Российским властям было особо указано на то, что они должны приложить все усилия для преодоления данного, вызывающего глубокое беспокойство, состояния дел.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

81. Соответствующие положения действовавшего в рассматриваемое время УПК РФ предусматривали:

82. Статья 108 предусматривала, что уголовное дело может возбуждаться на основании писем и жалоб граждан, общественных и частных организаций, статей в средствах массовой информации или обнаружения органом следствия, прокурором или судом признаков совершенного преступления.

83. Статья 109 предусматривала, что в течение максимум 10 дней с момента извещения о преступлении, орган следствия должен принять одно из решений: возбудить или отказать в возбуждении уголовного дела или

передать информацию в надлежащий орган. Заявители должны были информироваться о любом принятом решении.

84. Статья 113 предусматривала, что если орган следствия отказал в возбуждении уголовного дела, должно быть вынесено обоснованное решение. Заявитель должен был быть поставлен в известность о принятом решении и мог обжаловать его вышестоящему прокурору или в суд.

ПРАВО

I. ВЫПОЛНЕНИЕ ШЕСТИМЕСЯЧНОГО ПРАВИЛА

85. Вначале Суд подчеркивает, что, согласно п.1 статьи 35 Конвенции, он может принять к рассмотрению вопрос только в пределах шестимесячного срока после вынесения окончательного внутригосударственного решения. Если национальных средств правовой защиты не существует либо установлено, что они являются неэффективными, шестимесячный срок в принципе начинает течь со дня действия, в связи с которым подана жалоба (см. решение о приемлемости от 10 января 2002 г. по делу *«Хазар (Hazar) и другие против Турции»*, №№62566/00 и посл.). Особый подход может быть применен в исключительных случаях, когда заявитель вначале обратился к внутригосударственному средству правовой защиты и лишь на более поздней стадии узнал либо должен был узнать об обстоятельствах, делающих данное средство правовой защиты неэффективным. В такой ситуации шестимесячный срок может отсчитываться с момента, когда заявитель узнал либо должен был узнать об этих обстоятельствах (см. решение о приемлемости от 28 мая 2002 г. по делу *«Булут (Bulut) и Явуз (Yavuz) против Турции»*, №73065/01).

86. Суд далее отмечает, что он не может не применять шестимесячное правило лишь по той причине, что Правительство, являющееся ответчиком, не заявило предварительное возражение, основанное на данном правиле, так как указанный критерий, отражающий волю Договаривающихся Сторон, направленную на предотвращение в течение неопределенного периода времени споров, связанных с событиями в прошлом, служит интересам не только Правительств, являющихся ответчиками, но и правовой определенности, являющейся ценностью сама по себе. Он отмечает временные границы надзора, осуществляемого конвенционными органами, и указывает как отдельным лицам, так и государственным властям период, за пределами которого данный надзор более не возможен (см. решение о приемлемости по делу *«Уокер (Walker) против Соединенного Королевства»*, №34979/97, ECHR 2000-I).

87. Обращаясь к настоящему делу, в части, касающейся условий, в которых заявитель содержался под стражей, Суд отмечает, что из имеющихся у него материалов не следует, что он пытался поднять этот вопрос перед национальными властями ни в своей жалобе от 7 декабря 2000 года, в которой содержались утверждения о дурном обращении с заявителем, ни по какому-либо другому случаю. Суд далее полагает, что нет необходимости в определении того, имелись ли у заявителя эффективные средства правовой защиты в отношении предполагаемого нарушения, так как даже если предположить, что в обстоятельствах настоящего дела никакие такие средства правовой защиты не были ему доступны, он был

освобожден из заключения 3 мая 2000 года, в то время как его жалоба была подана в Суд более чем шесть месяцев спустя, 20 декабря 2001 года.

88. Из этого следует, что требование заявителя в отношении условий содержания под стражей заявлено за пределами установленного срока, в связи с чем Суд не может рассмотреть его по существу.

II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО ИСЧЕРПАНИЯ ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

A. Доводы сторон

89. Правительство запросило суд признать жалобу неприемлемой, так как заявителем не были исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты. Правительство отметило несколько возможных доступных средств правовой защиты.

90. Им было указано, что заявитель мог пожаловаться военному прокурору относительно действий военнослужащих, охранявших его до прибытия в следственный изолятор. Относительно условий содержания под стражей он мог пожаловаться прокурору, однако за время содержания под стражей он не подавал никаких жалоб. Также заявитель мог обжаловать в суд постановления Пятигорской городской прокуратуры от 21 февраля 2001 г. и Ставропольской городской прокуратуры от 20 марта 2001 года, однако не сделал этого. В завершение, у заявителя была возможность инициировать гражданско-правовое разбирательство после своего освобождения, либо в Чечне, либо в соседних регионах.

91. Заявитель оспорил возражение Правительства. Во-первых, он утверждал, что существует административная практика невыполнения требования об эффективном расследовании злоупотреблений, совершенных российскими военнослужащими и сотрудниками милиции в Чечне. Он сослался на жалобы, поданные в Суд другими лицами, утверждающими, что они являются жертвами таких злоупотреблений, которые также жалуются на отсутствие эффективного расследования. Заявитель также процитировал доклады правозащитных групп, международных организаций и средств массовой информации о нарушениях прав гражданского населения, совершенных федеральными силами, и последующее отсутствие эффективного внутригосударственного расследования.

92. Во-вторых, он указал на существование специальных обстоятельств в результате его содержания под стражей без связи с внешним миром. Он объяснил, что чувствовал себя уязвимым, беспомощным, опасаящимся представителей государства, а потому не мог подать никаких жалоб, пока находился в заключении.

93. Он утверждал, что в любом случае он исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты, так как после освобождения он обращался в прокуратуру с заявлением о возбуждении уголовного дела в связи с дурным обращением с ним. По его мнению, уголовное расследование должно рассматриваться в качестве надлежащего средства правовой защиты в виду сути его жалоб и соответствующей практики Суда. Несмотря на его попытки, надлежащее расследование не было осуществлено. Его жалобы были отвергнуты без надлежащего изучения, а его обращение к вышестоящему прокурору осталось без ответа.

94. Обращение в суды с требованием возмещения вреда не могло, по его мнению, быть надлежащим средством правовой защиты в отношении данного типа предполагаемых нарушений и в любом случае было бы бесполезным в отсутствие выводов уголовного расследования.

Б. Оценка Суда

95. По настоящему делу Суд не принял решения в отношении исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты на стадии приемлемости, установив, что данный вопрос слишком близко связан с существом дела. Теперь он приступит к рассмотрению доводов сторон в свете положений Конвенции и своей соответствующей практики. Суд подчеркивает, что правило об исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, предусмотренное положением п.1 статьи 35 Конвенции, обязывает заявителей вначале обратиться к средствам правовой защиты, существующим во внутригосударственной правовой системе, которые обычно доступны и достаточны для получения возмещения предполагаемых нарушений. Исходя из п.1 статьи 35 также требуется, чтобы жалобы, в отношении которых имеется намерение подать их впоследствии в Суд, были первоначально представлены в соответствующий внутригосударственный орган, хотя бы по существу и в соответствии с формальными требованиями, предусмотренными внутригосударственным правом, но не является обязательным обращение к тем средствам правовой защиты, которые являются неадекватными либо неэффективными (см. постановление от 18 декабря 1996 г. по делу *«Аксой (Aksoy) против Турции»*, Сборник Постановлений и Решений 1996-VI, стр. 2275-76, пп. 51-52, и постановление от 16 сентября 1996 г. по делу *«Акдивар (Akdivar) и другие против Турции»*, Сборник 1996-IV, стр. 1210, пп. 65-67).

96. По настоящему делу заявителем поданы жалобы в отношении нескольких эпизодов дурного обращения, которые являлись предметом различных внутригосударственных расследований.

1. В отношении ареста и содержания заявителя под стражей между 23 января и 18 февраля 2000 года

97. Заявителем подана жалоба в отношении дурного обращения с ним во время ареста 23 января 2000 г. и содержания под стражей в Чернокозово между 25 января и 18 февраля 2000 года. Его жалоба от 7 декабря 2000 г. в Грозненскую городскую прокуратуру была в основном посвящена данному периоду времени. Вместе с тем, судя по всему, отдельного расследования прокуратурой не осуществлялось и не было вынесено отдельного процессуального решения. В письме от 20 апреля 2001 года, направленном в HRW, прокуратура Чеченской Республики указала лишь на расследование по жалобам в отношении содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах в Пятигорске и в Ставрополе. Правительство в своих объяснениях подтвердило, что у него не имеется никакой информации об отдельном расследовании жалоб заявителя на дурное обращение в Чечне (см. выше, параграф 57).

98. В таких обстоятельствах Суд полагает, что у заявителя не имелось возможности эффективно оспаривать исход производства по делу в отношении его жалоб на дурное обращение во время ареста и во время его содержания под стражей в Чернокозово. Довод Правительства о том, что заявитель мог обратиться в суд либо к вышестоящему прокурору не имеет

отношения к настоящей ситуации, когда расследование не осуществлялось, процессуальные решения не принимались, а заявителю не было сообщено о каких-либо результатах каких-либо осуществленных проверок.

99. В свете вышеизложенного средство правовой защиты, предложенное Правительством, не может рассматриваться как эффективное и имеющее разумные перспективы на благоприятный исход. Соответственно, Суд отклоняет предварительное возражение постольку, поскольку им затрагивается данная часть содержания заявителя под стражей.

2. В отношении содержания заявителя под стражей между 18 февраля и 3 мая 2000 года

100. Что касается жалоб заявителя на дурное обращение в следственных изоляторах в Пятигорске и Ставрополе, они были рассмотрены местными прокурорами. Проведя проверку, 21 февраля 2001 г. Пятигорский городской прокурор решил не возбуждать уголовное дело. 20 марта 2001 года, также после проверки, Ставропольский городской прокурор вынес схожее постановление. Согласно статье 113 Уголовно-процессуального кодекса, действовавшего на то время, данное постановление могло быть обжаловано вышестоящему прокурору либо в суд общей юрисдикции (см. выше, параграф 84). Хотя HRW как минимум дважды направлял письменные обращения Генеральному прокурору (см. выше, параграфы 46 и 50), Правительство указало на то, что заявители не использовали второй путь обжалования.

101. Что касается обращения к вышестоящему прокурору, Суд уже неоднократно отмечал, что жалоба вышестоящему прокурору не дает лицу, подающему её, личное право на осуществление государством его надзорных полномочий, и поэтому такая жалоба не представляет собой эффективное средство правовой защиты в значении статьи 35 Конвенции (см. решение о приемлемости от 9 ноября 2006 г. по делу *«Слюсарев (Slyusarev) против России»*, №60333/00).

102. Отличной от этой является, однако, ситуация в отношении возможности обжалования в суд общей юрисдикции постановления прокурора об отказе в возбуждении уголовного дела по факту жалоб о дурном обращении. По таким делам проводится рассмотрение по существу, сторонами которого являются заявитель и прокурор. В гласном и состязательном судопроизводстве независимый суд оценивает, является ли выдвинутая заявителем версия о дурном обращении заслуживающей право на существование, и, если это так, отменяет постановление прокурора, обязывая его провести уголовное расследование. Судом уже устанавливалось, что в российской правовой системе право суда отменить постановление об отказе в возбуждении уголовного дела является существенной гарантией против произвольного использования своих полномочий следственными органами (см. решение о приемлемости от 14 октября 2003 г. по делу *«Трубников (Trubnikov) против России»*, №49790/99).

103. По настоящему делу заявитель не воспользовался возможностью обращения с жалобой в суд. В этой связи он сослался на наличие административной практики отсутствия расследования жалоб на действия «силовых структур» в Чечне и специальные обстоятельства, вытекающие из его содержания под стражей без связи с внешним миром. Суд отмечает в этой связи, что его содержание под стражей и рассматриваемое дурное

обращение произошли за пределами Чечни, а заявитель не утверждал, что данная административная практика распространилась на другие регионы. Что касается второго аргумента, Суд отмечает, что заявителю было сообщено о решениях, принятых соответствующими органами прокуратуры, более чем через год после его освобождения из-под стражи.

104. Суд также отмечает, что заявителю оказывали помощь многочисленные правозащитные организации, которые обращались от его имени в органы прокуратуры. Не было предоставлено никакого объяснения тому, почему они не подали либо не посоветовали первому заявителю подать жалобы в суд на постановления прокуроров об отказе в возбуждении уголовного дела по факту дурного обращения с ним.

105. В свете вышеизложенных соображений Суд отмечает, что жалобы заявителя в отношении предполагаемого дурного обращения с ним в период его нахождения под стражей между 18 февраля и 3 мая 2000 г. должны быть отклонены в связи с исчерпанием внутригосударственных средств правовой защиты, в соответствии с п.1 статьи 35 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель указал на нарушение статьи 3 Конвенции, которая предусматривает:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

A. Предполагаемое дурное обращение в руках властей

1. Доводы сторон

107. Заявитель утверждал, что, находясь под стражей, он подвергался пыткам. Он ссылаясь на свои детальные пояснения относительно дурного обращения, на медицинские документы, выданные после его освобождения, и на показания свидетелей, подтверждающие его версию событий. Он заявил, что документы, представленные Правительством, не могут восприниматься как последовательные доказательства обратного, потому что некоторые из них были выданы в 2004 году, а записи, которые велись в 2000 году, не были точными. Даже этими документами подтверждалось, что у него имелся кровоподтек на плече (медицинский осмотр, осуществленный при его помещении в Чернокозово, см. выше, параграф 66). Он также ссылаясь на доклады неправительственных организаций, документы Совета Европы и другие жалобы, поданные в Суд, свидетельствующие о распространенном дурном обращении с лицами, содержащимися под стражей в Чечне, и в особенности в следственном изоляторе Чернокозово.

108. Правительство отрицало, что заявитель подвергся незаконному насилию, находясь под стражей. Им было указано, что он был осмотрен медицинским персоналом по прибытии в следственные изоляторы в Чернокозово, Пятигорске и Ставрополе, и на нём не было зафиксировано никаких телесных повреждений, кроме кровоподтека на плече 25 января 2000 года. Им было подчеркнуто, что в заключениях медицинских осмотров других лиц, содержащихся под стражей, были зафиксированы более серьёзные телесные повреждения, что подтверждает их достоверность (см. выше, параграф 66). Заявитель не обращался за медицинской помощью, пока находился под стражей, и не подавал никаких жалоб в отношении дурного

обращения. Что касается осмотров, осуществленных после его освобождения, Правительством было отмечено, что заявитель получил медицинское заключение лишь в марте 2001 года, то есть десять месяцев спустя после освобождения. Им было указано, что этот документ был даже не надлежащим образом составленным медицинским заключением, а анонимным «консультативным мнением». Документ, датированный 22 мая 2001 года, был составлен доктором из организации «Врачи без границ» на французском языке и в любом случае данное медицинское обследование не могло считаться официальным.

2. Оценка Суда

109. Суд подчеркивает, что власти обязаны охранять физическую неприкосновенность лиц, находящихся в заключении. В случае если физическое лицо на момент заключения под стражу было здорово, но на момент освобождения имеет телесные повреждения, государство должно предоставить правдоподобное объяснение тому, каким образом были причинены данные телесные повреждения. В противном случае может быть сделан вывод о применении пыток либо дурного обращения в отношении заявителя, и может возникнуть вопрос по статье 3 Конвенции (см. постановление от 27 августа 1992 г. по делу *«Томаси (Tomasi) против Франции»*, Серии А №241-А, стр.40-41, пп. 108-111, постановление Большой палаты по делу *«Сельмуни (Selmouni) против Франции»*, №25803/94, п. 87, ECHR 1999-V).

110. Оценивая доказательства, Суд по общему правилу применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений» (см. постановление от 18 января 1978 г. по делу *«Ирландия против Великобритании»*, Серии А №25, стр.64-65, п. 161). Тем не менее, доказывание может быть осуществлено вследствие сосуществования достаточно сильных, ясных и взаимосогласующихся предположений либо схожих неопровергнутых презумпций фактов. В случае если рассматриваемые события находятся полностью либо в значительной части в сфере исключительного знания властей, как в случае лиц, находящихся под их контролем в заключении, возникают сильные презумпции фактов в отношении телесных повреждений, возникших в период такого заключения. На самом деле, может быть признано, что бремя доказывания лежит на властях, которые должны предоставить удовлетворительное и убедительное объяснение (см. постановление от 4 декабря 1995 г. по делу *«Рибитши (Ribitsch) против Австрии»*, Серии А №336, п. 34, постановление Большой палаты по делу *«Салман (Salman) против Турции»*, №21986/93, п. 100, ECHR 2000-VII).

111. По настоящему делу заявитель утверждал, что в результате дурного обращения в Чернокозово у него был сломан нос, травмирована голова, сломаны рёбра, кроме того, он перенес стресс. В подтверждение своих утверждений заявитель сослался на свои собственные объяснения, свидетельские показания своих родственников и на два неофициальных медицинских документа, полученных десять и двенадцать месяцев спустя после его освобождения. Он также сослался на публично доступную информацию о ситуации в Чернокозово в соответствующий период времени, свидетельствующую о широко распространённом физическом насилии в отношении лиц, содержащихся под стражей, и отсутствие расследования обоснованных утверждений о дурном обращении. Правительство оспорило действительность и релевантность медицинских документов. Оно также

сослалось на результаты прокурорских проверок, выявивших отсутствие зафиксированных жалоб либо телесных повреждений в трех различных следственных изоляторах во время доставки туда заявителя и его содержания под стражей.

112. Суд отмечает, что заявитель не обращался за медицинской помощью ни когда находился под стражей, ни немедленно после освобождения в Ингушетии, где он проживал в то время. Это не стыкуется с предполагаемой серьезностью его состояния. Отсутствие паспорта, которое, как он утверждал, не давало ему получить доступ к врачу, не могло препятствовать ему обратиться за срочной медицинской помощью в течение такого длительного периода времени. В любом случае медицинские документы, полученные им в марте и мае 2001 года, не указывают на время либо обстоятельства, когда отмеченные шрамы и травмы могли быть причинены. С другой стороны, три медицинских заключения, составленные в период содержания заявителя под стражей в следственных изоляторах в Чернокозово, Пятигорске и Ставрополе, не указывали на какие-либо телесные повреждения либо жалобы (см. противоположный вывод в постановлении от 18 января 2007 г. по делу [*«Чумаев \(Chitayev\) и Чумаев против России»*](#), №59334/00, пп. 150-151).

113. Что касается ссылки заявителя на публичные доклады о ситуации в Чернокозово в соответствующий период времени, действительно, Суд может, при определенных обстоятельствах, принять во внимание надежные сообщения о ситуации в определенной тюрьме при оценке условий содержания под стражей (см. пример учёта Судом докладов Европейского Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания в постановлении от 18 января 2005 г. по делу *«Кехайов (Kehayov) против Болгарии»*, №41035/98, п. 66). Тем не менее, применение данной практики к утверждениям о дурном обращении, в особенности, таком серьезном, как по настоящему делу, было бы чрезмерным. Выводы, к которым пришёл Европейский Комитет по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания, либо любой другой соответствующий орган, не позволяют сами по себе, в отсутствие доказательств индивидуального страдания интенсивности, требуемой для установления нарушения статьи 3, сделать вывод о нарушении статьи 3 Конвенции по делу заявителя.

114. В данных обстоятельствах основным доказательством в подтверждение утверждений заявителя о дурном обращении с ним остаются его собственные показания и показания его жены и невестки. Учитывая, что они не могут рассматриваться как полностью объективные, Суд отмечает, что заявитель впервые подал жалобу в прокуратуру в декабре 2000 года, к тому времени его бывшие сокамерники уже не могли быть идентифицированы. Персонал следственных изоляторов в Пятигорске и Ставрополе, включая медицинских сотрудников, сообщил прокурорам, что они не могут вспомнить какие-либо телесные повреждения либо жалобы со стороны заявителя, хотя медицинские карты других лиц, содержащихся под стражей, содержали более детальные записи.

115. Суд полагает, что на основе доказательств, предоставленных ему сторонами, он не может установить, исходя из требуемого стандарта доказывания, что телесные повреждения были причинены заявителю пока он находился под стражей, в ситуации, описанной им. Он также не может сделать вывод о том, что заявитель подвергся дурному обращению, пока он

находился в руках властей под стражей между 23 января и 18 февраля 2000 года.

116. Соответственно, в этой связи не было нарушения статьи 3.

Б. Предполагаемая неадекватность расследования

117. Заявитель утверждал, что расследование его обращений по факту дурного обращения не достигло уровня эффективности, требуемой конвенционными стандартами и положениями внутригосударственного права.

118. Правительство ответило тем, что утверждения заявителя о дурном обращении были отвергнуты прокуратурой как необоснованные после тщательной проверки.

119. В случае если физическим лицом заявляется обоснованная претензия о том, что он или она подверглись серьёзному дурному обращению со стороны правоохранительных органов в нарушение статьи 3, данное положение, во взаимосвязи с общей обязанностью государства по статье 1 Конвенции «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в... Конвенции», требует проведения эффективного официального расследования. Данное расследование должно было установить и наказать виновных лиц (см. постановление от 28 октября 1998 г. по делу *«Ассенов (Assenov) и другие против Болгарии»*, Доклады 1998-VIII, стр.3290, п. 102, постановление Большой палаты по делу *«Лабита (Labita) против Италии»*, №26772/95, п. 131, ECHR 2000-IV). Минимальные стандарты эффективности, определенные в прецедентной практике Суда, также включают требования того, что расследование должно быть независимым, беспристрастным, находиться под общественным контролем и что компетентные органы должны действовать с исключительными старательностью и своевременностью (см., например, постановление от 24 февраля 2005 г. по делу *«Исаева (Isayeva) и другие против России»*, №№57947/00, 57948/00 и 57949/00, пп. 208-213).

120. Обращаясь к настоящему делу, Суд отмечает, что в декабре 2000 г. заявитель обратился с жалобой на дурное обращение в Грозненскую городскую прокуратуру. Он сослался на причиненные ему телесные повреждения и потребовал проведения расследования. Суд полагает, что жалобы заявителя должны были вызвать обоснованное подозрение относительно того, что телесные повреждения могли быть причинены представителями государства, а данный вопрос должен был быть надлежащим образом передан на рассмотрение компетентных органов. Суд также считает, что публично доступная информация о широко распространенных злоупотреблениях в следственном изоляторе Чернокозово в соответствующий период времени возложила на соответствующие власти дополнительную обязанность по осуществлению эффективного расследования, удовлетворяющего вышеуказанные требования статьи 3 Конвенции.

121. Тем не менее, Суд подчеркивает, что им уже было установлено, что в отношении обращений заявителя о дурном обращении при аресте и в течение его последующего содержания под стражей в Чернокозово не было проведено никакого расследования (см. выше, параграф 97). Властями был представлен ряд документов от 2004 г. в отношении ситуации заявителя в Чернокозово, в связи с коммуникацией настоящей жалобы Судом; тем не

менее, прокурором не было проведено расследования в отношении данного периода содержания под стражей и не было принято никакого процессуального решения.

122. При таких обстоятельствах Суд вынужден сделать вывод о том, что властями не было осуществлено тщательное и эффективное расследование обоснованных жалоб заявителя на дурное обращение при содержании под стражей. Соответственно, в этой связи имело место нарушение статьи 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

123. Заявитель утверждал, что у него не имелось возможности обратиться к эффективным средствам правовой защиты против нарушений, что противоречит статье 13, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в... Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

124. Правительство утверждало, что в распоряжении заявителя имелись эффективные средства правовой защиты, в особенности он мог обжаловать предполагаемые нарушения его прав в прокуратуру либо в суд, в соответствии с применимыми положениями внутригосударственного права.

125. Суд подчеркивает, что статья 13 Конвенции гарантирует доступность на национальном уровне средства правовой защиты для обеспечения реализации сути конвенционных прав и свобод, в какой бы форме они ни защищались во внутригосударственном правовом порядке. Таким образом, эффектом статьи 13 является требование создания внутригосударственного средства правовой защиты для рассмотрения по существу «обоснованных жалоб» по Конвенции и предоставления соответствующего возмещения, вместе с тем, Договаривающимся Государствам предоставлено определенное усмотрение в отношении способа, которым они будут обеспечивать выполнение своих конвенционных обязательств по данному положению. Объем обязательства по статье 13 меняется в зависимости от существа жалобы заявителя по Конвенции. Тем не менее, средство правовой защиты, требуемое статьёй 13, должно быть «эффективным» как на практике, так и в юридическом смысле, в частности, его использованию не должны необоснованно препятствовать действия либо бездействие властей государства-ответчика (см. постановление от 25 сентября 1997 г. по делу *«Айдин (Aydin) против Турции»*, Сборник 1997-VI, стр.1895-96, п. 103).

126. Если физическое лицо выдвигает обоснованную жалобу о том, что оно подверглось дурному обращению в нарушение статьи 3 Конвенции, понятие эффективного средства правовой защиты предполагает, вдобавок к тщательному и эффективному расследованию требуемого статьёй 3 типа, также эффективный доступ лица, подавшего жалобу, к следственной процедуре и выплату компенсации, если это необходимо (см. дело *«Аксой против Турции»*, указывалось выше, стр. 2286-87, пп. 95 и 98, и дело *«Ассенов и другие против Болгарии»*, указывалось выше, п. 117).

127. Суд ссылается на свои вышеизложенные выводы относительно того, что заявителем выдвигалась обоснованная жалоба о том, что он подвергся дурному обращению со стороны представителей властей, и что внутригосударственная проверка данного вопроса была неадекватной (см.

параграфы 119-122). Соответственно, любое другое средство правовой защиты, доступное ему, включая иск о возмещении вреда, имели ограниченные шансы на успех. Хотя суды, рассматривая дело в порядке гражданского судопроизводства, и могут осуществлять независимую оценку фактов, на практике вес, придаваемый выводам предварительного следствия, столь значителен, что даже наиболее убедительные доказательства обратного, предоставленные истцом, могут часто отвергаться как «неотносимые» (см. постановление от 9 марта 2006 г. по делу *«Менешева (Menesheva) против России»*, №59261/00, п. 76).

128. Таким образом, Суд считает, что заявитель был лишен эффективного внутригосударственного средства правовой защиты в отношении своей жалобы на дурное обращение со стороны представителей государства. Соответственно, имело место нарушение статьи 13 во взаимосвязи со статьёй 3 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

129. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

1. Материальный ущерб

130. Заявитель потребовал выплаты 371 тыс. рублей в отношении материального вреда в связи с потерей заработка в период содержания под стражей, а также периода времени, в течение которого он восстанавливался после дурного обращения (в общем пятьдесят три месяца). Он утверждал, что на момент ареста он работал каменщиком и получал ежемесячную зарплату в размере 7 тыс. рублей. Заявитель также объяснил, что, хотя компания перестала работать в период военных действий, она не уволила своих сотрудников. Согласно копии выписки из его трудовой книжки, 14 июня 2000 г. заявитель уволился по собственному желанию. В июле 2004 г. заявитель получил новую работу в качестве водителя телекоммуникационной компании.

131. Правительство отклонило требования как необоснованные и чрезмерные.

132. Суд повторяет, что им было установлено нарушение не субстантивного аспекта статьи 3 Конвенции, а лишь обязательства расследовать обоснованные жалобы на дурное обращение. При данных обстоятельствах Суд не видит прямой причинно-следственной связи между ущербом, возмещения которого требует заявитель, и нарушением Конвенции, установленным Судом. Таким образом, он отклоняет данную часть требования.

2. Моральный вред

133. Заявитель потребовал выплаты 100 тыс. евро за мучения и стресс, причиненные ему в период содержания под стражей, а также чувства

беспомощности и унижения, вытекающие из неспособности властей расследовать его жалобы.

134. Правительство посчитало данную сумму чрезмерной.

135. Суд повторяет, что им установлено нарушение процедурного аспекта статьи 3 и статьи 13 по причине неспособности властей эффективно расследовать обоснованные жалобы заявителя в отношении дурного обращения с ним. Суд принимает, что заявителю был причинен моральный вред вследствие установленных нарушений, который не может быть компенсирован лишь установлением нарушения. При таких обстоятельствах, действуя на основе справедливости, он присуждает заявителю 5 тыс. евро.

Б. Расходы и издержки

136. Заявителя представлял г-н Ферштман, юрист, практикующий в Нидерландах. Юрист был найден при помощи Фонда SRJI, неправительственной организации, базирующейся в Нидерландах и имеющей представительство в России. Как следует из соглашения, заключенного между заявителем и Фондом SRJI, Фонд SRJI выплачивает гонорар юристу, а заявитель компенсирует расходы Фонду SRJI в случае выигрыша дела и присуждения судебных расходов.

137. Заявитель потребовал выплаты в общей сложности 15281 евро по данному основанию, включая 14726 евро за юридическую работу и 555 евро за выполненные переводы.

138. Правительство полагало сумму, требуемую за расходы и издержки, недостаточно обоснованной.

139. Суд повторяет, что для возмещения расходов и издержек в соответствии со статьёй 41, должно быть установлено, что они были действительно и необходимо понесены, а также были разумны по размеру (см., например, постановление Большой палаты по делу *«Нильсен (Nilsen) и Йонсен (Johnsen) против Норвегии»*, №23118/93, п. 62, ECHR 1999-VIII, и постановление от 11 июля 2006 г. по делу *«Бойченко (Boicenco) против Молдовы»*, №41088/05, п. 176). В соответствии с правилом 60(2) Регламента Суда, должны быть представлены разбитые по пунктам детальные данные в отношении всех требуемых сумм, в противном случае Палата может отвергнуть требование полностью либо частично.

140. Суд отмечает, что в подтверждение своих требований по данному основанию заявитель представил расчёты потраченного времени, заполненные его юристом, и счёт на услуги переводчика, на общую сумму 3926 евро. Оставшаяся часть данного требования не подтверждается никакими документами.

141. Принимая во внимание документы, представленные заявителем, Суд присуждает ему сумму в 3926 евро, за вычетом 715 евро, полученных от Совета Европы в виде компенсации расходов на юридическую помощь, вместе с любым налогом на добавленную стоимость, который может быть взыскан.

В. Выплата процентов

142. Суд считает, что пеня за несвоевременную выплату должна основываться на средней кредитной ставке Европейского центрального банка, к которой должны быть прибавлены три процентных пункта.

НА ОСНОВАНИИ ИЗЛОЖЕННОГО СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Устанавливает*, что он не вправе рассматривать по существу жалобу заявителя в отношении условий содержания под стражей, так как она была подана за пределами установленного срока;
2. *Отклоняет* предварительное возражение Правительства о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в той степени, в которой оно затрагивает содержание заявителя под стражей между 23 января и 18 февраля 2000 года;
3. *Удовлетворяет* предварительное возражение Правительства о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты в той степени, в которой оно затрагивает содержание заявителя под стражей между 18 февраля и 3 мая 2000 года;
4. *Устанавливает*, что не имело места нарушение статьи 3 Конвенции в отношении дурного обращения с заявителем в период его содержания под стражей между 23 января и 18 февраля 2000 года;
5. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении обязанности расследовать обоснованные заявления о дурном обращении;
6. *Устанавливает*, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции;
7. *Устанавливает*
 - (а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю, в течение трех месяцев со дня, когда постановление вступит в силу в соответствии с п.2 статьи 44 Конвенции, следующие суммы:
 - (i) 5000 (пять тысяч) евро в возмещение морального вреда, в российских рублях по курсу на день выплаты;
 - (ii) 3211 (три тысячи двести одиннадцать) евро в возмещение расходов и издержек, должны быть выплачены на банковский счет Фонда SRJI в Нидерландах;
 - (iii) любой налог, который может быть взыскан с вышеуказанных сумм;
 - (б) что по истечении вышеуказанных трех месяцев до выплаты на вышеуказанную сумму должен начисляться простой процент по ставке, равной средней кредитной ставке Европейского центрального банка в течение периода неоплаты, плюс три процентных пункта;
8. *Отклоняет* оставшуюся часть требования заявителя о выплате справедливой компенсации.

Исполнено на английском языке и сообщено в письменном виде 8 ноября 2007 года, в соответствии с Правилom 77 (2)(3) Регламента Суда

Сёрен НИЛЬСЕН

Секретарь

К.Л. РОЗАКИС

Председатель